

Особенности политической культуры в современной политике стран СНГ

Максим ЯКОВЛЕВ

Недавно произошедшие на пространстве СНГ политические события (кризисные ситуации в Армении, Белоруссии, Киргизии, России) показывают повышение градуса социального недовольства и обнажают трудности в системах власти. Среди основных источников проблем исследователи чаще всего называют неудовлетворительную реализацию права, низкую эффективность политико-государственных институтов и механизмов вместе с усилением авторитарных тенденций и свёртыванием демократии.

Например, применительно к российским реалиям к таким выводам пришли участники научного круглого стола «Выборы в Государственную Думу РФ 2021: интересы, стратегии, технологии», организованном и проведённом 26 апреля 2021 г. сотрудниками кафедры международных отношений и геополитики транспорта Российского университета транспорта и Института стран СНГ.

С этим заключением спорить весьма затруднительно. Вместе с тем кажется, что в нём обходится вниманием одно важное явление, чьё значение возможно уподобить краеугольному камню, которым легкомысленно пренебрегли строители в известном евангельском сюжете, а именно особенности политической культуры, определяющей основания, причины и направленность (без)действия рядовых граждан. Ведь от того, пользуется ли боль-

ЯКОВЛЕВ Максим Владимирович – доктор политических наук, профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. *SPIN-код:* 6923-7567, *E-mail:* maxvuz@mail.ru

Ключевые слова: культурная травма, политическая культура, СНГ.

шинство населения упомянутыми нормами, институтами, механизмами, «чтобы демократия сработала», или игнорирует их, отдавая предпочтения иным (неформальным) практикам, или отстраняется от них, прямо зависит их работоспособность и результативность, движение в сторону авторитаризма или демократии и в конечном счёте стабильность всей системы власти в её функционировании или во имя общего блага, или в собственных интересах. Поэтому для верного истолкования и прогнозирования политических процессов в странах СНГ необходимо более внимательно и тщательно рассмотреть специфику их политической культуры.

Современная теория политической культуры: аспекты для стран СНГ

Базовый тезис исследований политической культуры, обоснованный в трудах Г. Алмонда и С. Вербы, Р. Инглхарта и К. Вельцеля и др. [1, 2], заключается в наличии устойчивой связи между ценностями и ориентациями граждан с формой государственного правления. Из этого следует, что все действующие продолжительное время системы власти в относительно большой степени соответствуют базовым установкам обществ, которыми они управляют. В противном случае эти системы бьются с непрекращающимися волнами массового недовольства и в итоге сметаются девятым валом всенародного восстания.

Последние потрясения, например, в Армении и Киргизии, ещё раз подтверждают этот тезис (сюда же в более длительной ретроспективе можно отнести и Молдавию).

Столь же убедительным доказательством на первый взгляд служит

и кажущаяся стабильность консолидированных политических систем Азербайджана, Белоруссии, Казахстана, России и Узбекистана. Правда, сейчас ряд этих стран уже не столь стройный ввиду выделения Белоруссии и России с их акциями протеста.

Так, в Белоруссии в августе-октябре 2020 г., по данным *Chatham House*, в политических протестах приняли участие порядка миллиона человек (каждый пятый житель страны) [3].

В России с января по апрель 2021 г. против действующей власти выступили, по разным оценкам, от 110 тыс. до 300 тыс. граждан.

В ответ силовые структуры приняли соответствующие меры подавления, а административные структуры начали показательные акции преследования (увольнение сотрудников, отчисление студентов, депортация иностранцев и т. п.).

¹ Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. М.: Мысль, 2014.

² Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2011.

³ What Belarusians Think About Their Country's Crisis. 2021 // URL: <https://www.chathamhouse.org/2020/10/what-belarusians-think-about-their-countrys-crisis>

Сами протесты, как следует из опроса Левада-Центр*, заняли второе место в списке наиболее запомнившихся россиянам происшествий в апреле 2021 г. [4].

При этом 41% респондентов уверены, что дела в стране идут по неправильному пути; также наблюдается рост потенциалов протестов с экономическими (43%) и политическими требованиями (45%), которые впервые за прошедшие более чем 20 лет стали сопоставимы с уровнем 1997 г. [5].

Перечень иллюстраций можно продолжить, но и так картина выглядит достаточно определённой, а именно: заметная часть населения выражает недовольство, однако, пока политическая система сохраняет статус-кво, не работает по классической схеме Д. Истона – не отвечает на возрастающие требования и поддержку, при этом усиливаются репрессии. Основная масса граждан загадочно безмолвствует, как народ в последней сцене трагедии А. С. Пушкина «Борис Годунов».

В этих обстоятельствах прослеживается специфика политической культуры, общая для многих стран СНГ: раскол, недоверие, отстранённость рядовых граждан от политической жизни, сдержанность в выражении гражданских прав и свобод

(очень скудных по качеству и количеству), крайне редкое пользование привилегиями гражданской чести, как выразился бы Аристотель. Объяснения здесь обычно предлагаются от откровенно одиозных (продвигаемая ещё американскими советологами идея «рабского духа») до умеренно критических (отсутствие должного настроения души, степени зрелости, высокого уровня правосознания, чувства долга, о важности которых писал, в частности, И. А. Ильин [6], неблагоприятные социально-экономические условия по С. Липсету [7], нехватка гражданских качеств (социального капитала) по Д. Коулману [8], недостаток демократического опыта по Д. Растоу, Э. Мюллеру [9] и др.).

В отличие от перечисленных несколько в стороне остаются подходы, в которых обращается внимание на некий скрытый дефект, подтачивающий социальные силы, препятствующий общественному росту и политическому развитию. Аспекты этого феномена некогда были обстоятельно изучены авторитетными исследователями: концепция аномии (Э. Дюркгейм), цивилизационная некомпетентность и синдром недоверия (П. Штомпка), социальное гнетение (А. Этциони), коллектив-

⁴ События месяца. 2021 // URL: <https://www.levada.ru/2021/05/03/sobytiya-mesyatsa-5/>

⁵ Оценка текущего положения дел в стране. 2021 // URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/>

⁶ Ильин И. А. Что такое демократия? // Собр. соч. Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1947. М.: Директ-медиа, 2008. С. 266–267.

⁷ Lipset S. M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // American Political Science Review. 1959. № 53 (March). P. 84.

⁸ Coleman J. S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94.

⁹ Muller E. N., Seligson M. A. Civic Culture and Democracy: The Question of Causal Relationships // American Political Science Review. 1994. Vol. 88.

* Левада-Центр в 2016 г. признан Минюстом России иностранным агентом.

ное чувство стыда и вины, кризис идентичности, кризис легитимно-

сти (Ю. Хабермас), культурный лаг (У. Огбурн) и др.

Травма как особенность политической культуры

Описанные выше конструкции П. Штомпка объединил на единой теоретической платформе, построенной вокруг концепта «культурная травма» [10].

Страны СНГ пережили культурную травму в период расчленения СССР, разрушения советской нации, почти мгновенной и радикальной перемены образа жизни, кардинальной смены ценностей и ориентиров. Впоследствии некоторые проекты по конструированию новых идентичностей оказались довольно успешны (Латвия, Литва, Эстония), но в ряде других стран они не завершены и по сей день.

Главный признак культурной травмы – широкое полемическое обсуждение в СМИ, на общественных собраниях, в политической сфере с резким противопоставлением и (или) оспариванием базовых ценностей или важнейших суждений, что находит отражение в кино, театре, литературе и мобилизует новые группы недовольных. Хотя в странах СНГ эти симптомы видны невооружённым глазом, однако специалисты указывают на возможность наличия травмы и при отсутствии явных примет.

Р. Мертон пишет о таком способе переноса травмы, как ретриатизм

[11], представляющий собой пассивную адаптацию, игнорирование, попытку действовать так, как будто нет повреждений.

В свою очередь, Э. Гидденс указывает на один из типов социального поведения при адаптации к травме, который выражается в циничном пессимизме, сиюминутности и гедонизме [12].

Трудно не согласиться с тем, что характеристики Р. Мертона и Э. Гидденса весьма подходят для описания современных обществ СНГ.

Для определения основных черт современной политической культуры россиян автор провёл два анкетирования среди 260 студентов 2–4-х курсов (декабрь 2020 г.).

Большее число респондентов – это мужчины (57,2%). Среди опрошенных преобладают уроженцы Центрального (Московская, Калужская, Тульская, Рязанская области), Северо-Западного (Новгородская, Псковская области) и Приволжского (Татария, Башкирия, Чувашия, Самарская область) федеральных округов.

На вопрос о том, *уверены ли респонденты в том, что они являются частью единого российского народа*, 68% ответили положительно, при этом при ответе на вопрос о са-

¹⁰ Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1.

¹¹ Merton R. K. Social Structure and Anomie // Robert K. Merton on Social Structure and Science. Chicago. 1996.

¹² Giddens A. Consequences of Modernity. Cambridge, 1990.

моидентификации россиянами назвали себя лишь 23% (русские главным образом), остальные ответы (особенно те, что дали представители других народов) совпали с этнической принадлежностью респондентов (русский, башкир, татарин и т. д.).

Эти данные показывают наличие большой проблемы с национальным единством и консолидацией в России.

Значительная часть опрошенных (43%) не могла точно и определённо назвать *ценности, которые ими движут в социальной жизни*: 32% заявили о необходимости следовать своим интересам для достижения личного достатка и успеха, 8% упомянули о необходимости приносить пользу обществу.

Общественное признание большая часть (48%) намерена получить посредством высоких личных доходов и дорогостоящих предметов потребления; 24% считают, что могут его добиться за счёт достижений, направленных на общее благо.

Здесь ясно, что среди российской молодёжи широко распространяются тенденции безответственного эгоистического потребления.

При этом любопытно, что половина респондентов (58%) признали *интересы коллектива*, имеющими более приоритетное значение, нежели индивидуальные интересы тех, кто в нём состоит. Почти две трети опрошенных (65%) продемонстрировали готовность подчиниться решению большинства. Объяснением здесь может служить, с одной стороны, продолжающая своё воспроиз-

водство массовая установка на коллективизм, с другой – нежелание принимать самостоятельное решение и нести за него ответственность.

Большинство респондентов (82%) не смогли назвать *цель и задачи существования России и российской нации в современном мире*, затруднились с определением миссии России в международном сообществе.

Из этого можно сделать вывод о том, что российская молодёжь не имеет представления о своём месте и своей роли в мире, что обуславливает деградацию гражданственности, падение веры в будущее, нехватку национального достоинства.

Подавляющая часть опрошенных (69%) полагает *главным в своей жизни личную безопасность, сохранение стабильности, отсутствие войны, защиту от экстремизма*.

О счастье вспомнили 20%.

Свободу отметили 9%.

Данные показывают высокий уровень страха среди российской молодёжи.

Большинство респондентов *не интересуются политикой* (71%) и *не поддерживают какую-либо партию* (68%), при этом имеют опыт политического участия в уличных акциях (35%). Те, кто не участвует в политике, написали в основном о том, что «от них ничего не зависит».

Неверие, апатия, отчуждение могут объясняться ростом административного и полицейского произвола и давления.

Вместе с тем 61% хотели и могли *бы участвовать в политике*, если

бы знали о том, что они могут повлиять на принятие решений. Эти результаты демонстрируют высокий удельный вес желающих участвовать в политическом процессе, что очень важно и перспективно для дальнейшего социально-политического развития.

На вопрос о том, кому необходимо принимать участие в политике и процессе принятия решений, затрагивающих общие интересы граждан, 36% опрошенных ответили, что «политики и эксперты»; треть уверена в том, что это должны делать сами граждане; 29% отдали эту прерогативу правительству и президенту.

Эти данные указывают на отсутствие понимания у опрошенных значения роли гражданского участия в политике, демонстрируют высокую степень отчуждения от политического процесса.

При этом на вопрос о том, какую роль в действительности должны играть граждане в принятии важнейших политических решений, большинство согласилось с тем, что «основную» (47%).

Это свидетельствует о значительном разрыве между представлениями молодых россиян о должной политике и реальной политической жизни, в которой, по мнению 71%, «всё решают чиновники».

Респонденты полагают, что их благополучие зависит от правительства (37%), от них самих (25%), от совместной работы всех жителей страны (23%).

Можно заключить о довольно высоком уровне потребительских и иж-

дивенческих настроений среди молодёжи.

На вопрос об участии в коллективных действиях добровольческого характера (волонтёрское движение и т. п.) для совместного решения какой-либо проблемы и (или) помощи нуждающимся ответили положительно 25% опрошенных.

С одной стороны, этот показатель не так уж и мал, но, с другой стороны, он заметно ниже (почти в два раза) аналогичных в западных странах.

Весьма показательно, что 60% респондентов не считают, что можно доверять незнакомым окружающим людям, рассматривают их как источник рисков и угроз; более трети (35%) не готовы всерьёз довериться и своим знакомым, что свидетельствует о большом недоверии среди российской молодёжи.

Примерно 40% респондентов высказались за поддержку традиций. В более чем половине семей (65%) родители имеют высокий авторитет и решающий голос для своих совершеннолетних детей. Высок уровень поддержки (70%) религиозных систем (христианство, ислам, буддизм). Большинство опрошенных (75%) назвали себя патриотами.

Респонденты показали относительное единодушие в ответе на вопрос о перспективах своей дальнейшей жизни в российском обществе: 55% их не видят и желают уехать за рубеж, чтобы строить жизнь и карьеру; 21% полагают, что следует и нужно жить в родной стране и заниматься любимым делом. Остальные затруднились с ответом.

Итак, если верить данным опроса, которые в целом корреспондируют с ранее проведёнными ВЦИОМ (в 2018 г.) и Левада-Центром (в 2019 г.) исследованиями настроений молодёжи, то политическая культура российской молодёжи выглядит разбалансированной, слабой, незрелой, расколотовой, разнородной. Она характеризуется иждивенчеством, недоверием, страхом, отчуждением, слабой готовностью к объединению с другими для совместной деятельности на общую пользу, неуверенностью в будущем, неготовностью взять ответственность на себя. Вместе с тем в ней наличествует установка на коллективизм и готовность к гражданскому участию при благоприятных условиях и уверенности в его эффективности.

Респонденты не принадлежат к какой-либо партии, регулярно не участвуют политике, но при этом осознают важность и необходимость такой деятельности. В подавляющем большинстве они не поддерживают действующее правительство, однако открыто не выражают свой протест и недовольство, опасаясь репрессий.

С высокой долей вероятности можно утверждать, что диагноз, поставленный политической культуре российской молодёжи, примерно соответствует состоянию всей российской нации с оговоркой, что у молодёжи симптомы выражены ярче и острее. Это заключение не вызывает удивления, если иметь в виду анамнез, включающий воспоминания о сокрушительных и катастрофических событиях, разрушивших Советскую державу и жизнь её народов, наложивших огромный и глу-

бокий отпечаток на современное состояние стран СНГ, в котором имеется не столь много предпосылок для оздоровления. Скорее, напротив, нарастают негативные тенденции, ведущие к осложнениям.

П. Штомпка видит два возможных сценария развития событий при культурной травме: «Один – порочный круг разрушения культуры, другой – добродетельный круг культурной реконструкции» [10]. При этом первый вариант предполагает, что трансформация обостряет социокультурную контузию, общество использует контрпродуктивную стратегию и безуспешно пытается совладать с ситуацией, всячески поддерживая устаревшую культуру «настойчивым культивированием воспоминаний» [10].

Представляется, что ряд обществ и государств СНГ по сегодняшний день ходит по «порочному кругу» или, выражаясь в духе 342 сутры Дхаммапады, «бегают вокруг, как бегают перепуганный заяц. Связанные путами и узами, они снова и снова в течение долгого времени возвращаются к страданию».

В качестве общих рекомендаций по смягчению и устранению культурной травмы и упрочению новой культуры П. Штомпка называет параметрическую трансформацию, совладение с травматической ситуацией и постепенный отход от прежнего культурного наследия (последнее связано со сменой поколений).

В своё время эти советы принесли пользу Польше и другим странам из соцлагеря. Важнейшими условиями для успешного преодоления обществами, в частности польским, культурной травмы стали: нацио-

нальная консолидация, в которой ведущую роль сыграло движение с говорящим названием «Солидарность», консенсус среди политического класса по поводу демократизации, масштабная и последовательная культивация гражданских качеств в обществе (воспитание гражданской добродетели по Аристотелю) при всемерной поддержке демократически ориентированной структуры власти.

Применительно же к странам СНГ параметрическая трансформация до сих пор, спустя почти 30 лет после распада СССР, не пройдена, культурная реконструкция не произведена во многом из-за неблагоприятных условий. Дело в том, что набравшие силу примерно со второй половины 90-х годов (или с начала 2000-х годов) авторитарные системы заинтересованы не только в постоянном воспроизводстве культурной травмы, но, если брать шире, в социально-экономической стагнации и даже упадке.

На первый взгляд этот тезис кажется парадоксальным – в силу хотя бы меркантильных и утилитарных соображений и простого рассудочного расчёта: чем хуже обстоят дела у населения, тем меньше доходов поступает в бюджет, тем

менее устойчива власть и тем больше возникает для неё проблем. Но именно эта очевидная и ясная логика неприменима к случаям неопатримониальных автократий, которые «железной пятой» попирают пространство СНГ. Дело в том, что главным источником благополучия их правящих классов являются не налоги и (или) доходы от промышленной, коммерческой и иной деятельности экономических агентов, а присвоенные и монопольно используемые в личных целях природные ресурсы. Ввиду этого одна из основных забот власти заключается в том, чтобы сохранить текущее положение и не допустить восстановления общественного контроля над тем, что принадлежит гражданам по праву. Поэтому автократии поддерживают раскол в обществе, бедность, страх, недоверие, тем самым препятствуют росту социального капитала и в конечном счёте противодействуют опасному для них излечению культурной травмы, чреватому национальной консолидацией и подъёмом, осознанию общественностью подлинного значения прав и свобод, своей роли и своих возможностей в управлении самими собой и государством.

Концепт культурной травмы может служить релевантным объяснением особенностей политической культуры в ряде стран СНГ. После крупных социальных потрясений (крушение Союзного государства, потеря жизненных ориентиров, резкое снижение уровня благосостояния большинства граждан, стремительное увеличение смертности и т. д.) народы СНГ столкнулись с необходимостью выживания в новых условиях.

Однако курс на преодоление травмы за счёт демократического обновления через осознание проблемы, национальную консолидацию и формирование новой культуры был довольно быстро утрачен. Экспроприировавшие власть группы установили собственный порядок, в котором культурная травма оказалась законсервированной и стала инструментом угнетения

и подавления, а также препятствием для дальнейшего развития. Поэтому в настоящее время политическая культура многих стран СНГ является раздробленной, разбалансированной, серьёзно повреждённой, её носители в своей массе проникнуты недовольством, одиночеством, недоверием, страхом, неверием в собственные силы, что отчуждает их от активной совместной политической жизни с целью достижения общего блага.

Хочется напомнить, что народное молчание в упомянутой сцене «Бориса Годунова» трактуется по-разному: выражение покорности; проявление ужаса от совершённого злодеяния и раскаяние в бессознательном содействии преступлению; трагическое молчание как ответ на увиденное (наподобие риторической фигуры апозиопезы), предвесье нового суда и знак приговора тем, кто погубил род Годуновых (народной Немезиды по В.Г. Белинскому).

Какое из этих разъяснений раскрывает подлинное значение безмолвия большинства граждан в странах СНГ – это вопрос на будущее.

Библиография • References

- Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура: политические установки и демократия в пяти странах / пер. с англ. Е. Генделя. М.: Мысль, 2014.– 500 с.
[Almond G., Verba S. Grazhdanskaya kul'tura: politicheskie ustanovki i demokratiya v pyati stranah / per. s angl. E. Gendelya. M.: Mysl', 2014.– 500 s.]
- Ильин И.А. Что такое демократия? // Собр. соч. Справедливость или равенство? Публицистика 1918–1947. М.: Директ-медиа, 2008.– 5674 с.
[Il'in I. A. Shto takoe demokratiya? // Sobr. soch. Spravedlivost' ili ravenstvo? Publicistika 1918–1947. M.: Direkt-media, 2008.– 5674 s.]
- Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / пер. с англ. М. Коробочкина. М.: Новое издательство, 2011.– 464 с.
[Inglhart R., Vel'cel' K. Modernizaciya, kul'turnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya / per. s angl. M. Korobochkina. M.: Novoe izdatel'stvo, 2011.– 464 s.]
- Оценка текущего положения дел в стране. 2021 // URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/>
[Ocenka tekushchego polozheniya del v strane. 2021 // URL: <https://www.levada.ru/indikatory/polozhenie-del-v-strane/>]
- События месяца. 2021 // URL: <https://www.levada.ru/2021/05/03/sobytiya-mesyatsa-5/>
[Sobytiya mesyaca. 2021 // URL: <https://www.levada.ru/2021/05/03/sobytiya-mesyatsa-5/>]
- Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
[Shtompka P. Social'noe izmenenie kak travma // Sociologicheskie issledovaniya. 2001. № 1. S. 6–16]
- Coleman J.S. Social Capital in the Creation of Human Capital // American Journal of Sociology. 1988. Vol. 94. P. 95–121.
- Giddens A. Consequences of Modernity. Cambridge, 1990.– 186 p.

Lipset S.M. Some Social Requisites of Democracy: Economic Development and Political Legitimacy // *American Political Science Review*. 1959. № 53 (March). P. 69–105.

Merton R.K. Social Structure and Anomie // *Robert K. Merton on Social Structure and Science*. Chicago. 1996. P. 119–381.

Muller E.N., Seligson M.A. Civic Culture and Democracy: The Question of Causal Relationships // *American Political Science Review*. 1994. Vol. 88. P. 635–652.

What Belarusians Think About Their Country's Crisis. 2021 // URL: <https://www.chathamhouse.org/2020/10/what-belarusians-think-about-their-country-s-crisis>

Статья поступила в редакцию 20 мая 2021 г.